НАЙДЕН ФОТОПОРТРЕТ ЗНАМЕНИТОГО РАББИНА ЛЮБАВИЧЕЙ – РОДИНЫ ХАБАДА

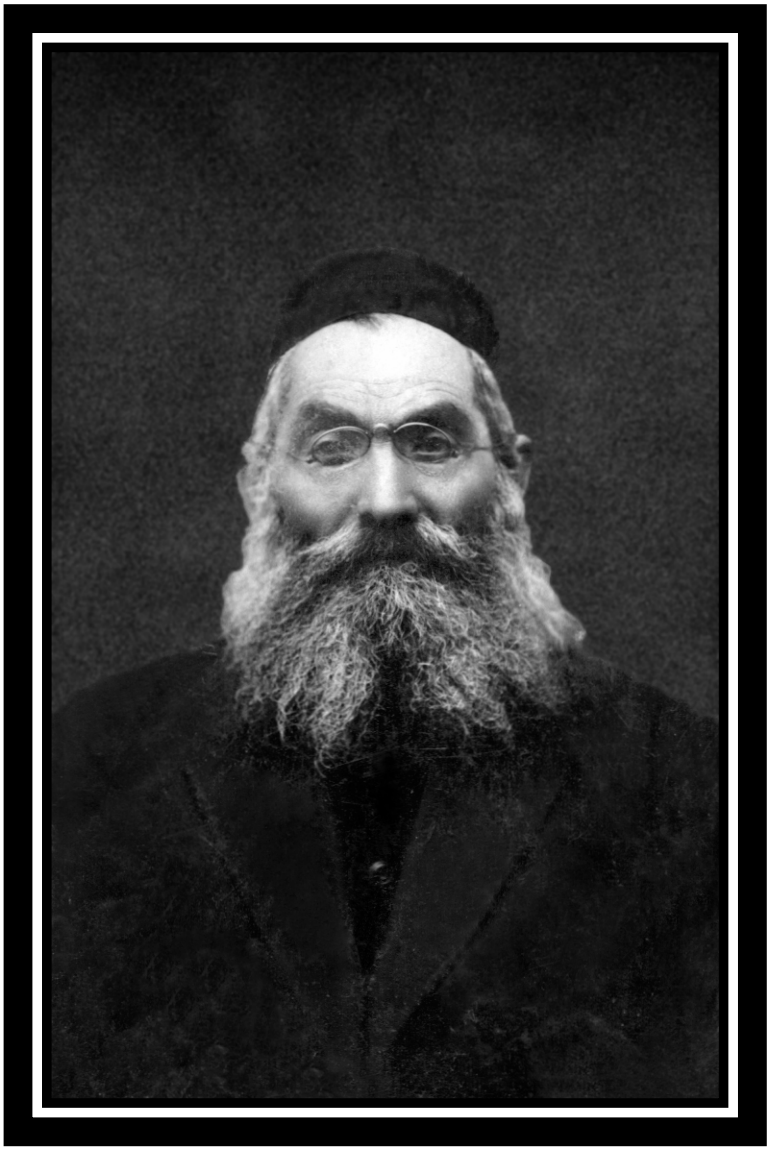
В 1883 году в еврейском местечке Любавичи, Могилевской губернии Российской империи, скончался Четвертый Любавичский Реббе Самуил (Шмуэль) Шнеерсон, известный в истории хасидизма под именем Махарш. Самуил Шнеерсон был правнуком великого цадика Шнеура Залмана Шнеерсона – основателя религиозного движения Любавичских хасидов ХаБаД, названного так по первым буквам ивритских слов хахма, бина и деа, означающих мудрость, понимание и познание. Реббе Махарш был известен в России своей активной борьбой с антисемитизмом, именно он основал в 1869 году в Санкт-Петербурге постоянную комиссию глав еврейских общин, которая отстаивала права евреев. До сих пор в Любавичах, которые ныне являются небольшим русским селом Руднянского района Смоленской области России, можно увидеть опаленные страшной историей XX века остатки каменного надгробия над могилой этого цадика. В 1882 году, незадолго до своей кончины, Реббе Самуил Шнеерсон назначил раввином местечка Любавичи своего ученика Давида Якобсона – с этого и начинается история, которой посвящена наша небольшая новелла.

Любавичи, ноябрь 2011
Дорожный знак у въезда в деревню и старые надгробия над могилами Третьего и Четвертого Любавичских Реббе: Цамех Цедека и Махарша

Давид Якобсон родился в 1852 году в семье раввина Бенциона Якобсона. В сохранившихся документах Давид подписывался следующим образом (в переводе с

еврейского): «Давид, сын благословенной памяти Рабби Бенциона Якобсона, Рабби в Любавичах». Семейная история сохранила предание о том, как он в 14-летнем возрасте женился на столь же юной Лее Зеликсон – дочери тогдашнего раввина местечка Любавичи Авраама Зеликсона. Брак Давида и Леи был счастливым – у них родилось 14 детей! Нам известны имена и отчасти судьбы восьми из них – Залман, Зелда, Лазарь, Йосеф, Рися, Рива, Тайба, Ида. От детей Давида и Леи произошли многочисленные потомки раввина Давида Якобсона, живущие ныне в России, Белоруссии, Израиле, США и Германии – всего более 60 человек. Подробный рассказ о семейном древе Давида Якобсона еще предстоит написать, но этот рассказ, конечно, выходит за рамки нашего короткого повествования. Точная дата смерти раввина Якобсона неизвестна. По свидетельству хасидских источников, в 1922 году, уже при советской власти, Давида видели в Любавичах, а на семейной фотографии 1930 года его нет – это дает основание предположить, что раввин скончался между 1922 и 1930 годами. О жизни его жены Леи Якобсон в советское время известно больше – по свидетельству ее правнучки Зинаиды Майзелис Лея скончалась незадолго до Великой Отечественной войны в Ленинграде. Последние годы жизни она, уже ослепшая, провела в доме внуков на Литейном проспекте. Лея была для родственников живой легендой, и рассказы о ней впоследствии передавались из поколения в поколение.

Во времена, когда Давид Якобсон был раввином в Любавичах, это еврейское местечко достигло наивысшего расцвета – оно стало важнейшим центром хасидизма и представляло собой сравнительно крупный поселок Оршанского уезда Могилевской губернии Российской империи. По переписи 1897 года в Любавичах проживало 2711 человек, в том числе 1660 евреев. Здесь регулярно устраивалась известная во всей округе ярмарка, процветали торговля льном, кожевенное и швейное производство. Это был центр религиозного и профессионального образования евреев. В Любавичах работало народное еврейское мужское училище с ремесленным отделом. Здесь процветала известная Любавичская ешива «Томхей тмимим» – центр еврейской учености всей Белоруссии, выпускники которой впоследствии возглавляли многие синагоги Европы и США. Четыре поколения цадиков из рода Шнеерсонов собрали в Любавичах уникальную библиотеку старинных книг по истории, философии и религии. В начале XX века эта библиотека содержала 25 тысяч книг и 50 тысяч редких документов! В теплое время года хасиды-паломники приходили сюда пешком и приезжали семьями на подводах – чтобы помолиться в местной синагоге, посмотреть библиотеку цадика, набраться святости и духовной силы. Жизнь в местечке была наполнена трудом, учебой и молитвами, религиозные книги и светские учебники были в каждом доме и их чтение являлось непременным атрибутом повседневной жизни, высокий интеллект и образованность сочетались с простотой сельской жизни – удивительное чудо в маленькой деревеньке, затерявшейся на гигантских пространствах нашей грешной планеты, чудо под названием Любавичи! Давид Якобсон был одним из последних официальных раввинов в Любавичах. Он выполнял свои обязанности и после 1915 года, когда Пятый Любавичский Реббе Шолом Дов Бер Шнеерсон уехал из Любавичей в Ростов-на-Дону, а вместе с ним Двор Любавичских Реббе навсегда покинул свою Родину. В советские времена в Любавичах организовали колхоз, задавленная властями национально-религиозная жизнь евреев постепенно заглохла, и тем не менее, к моменту трагедии 1941 года в Любавичах еще проживало более полутысячи евреев. К счастью, раввин Давид Якобсон не дожил до кровавого разлома мировой истории, а его дети и внуки к тому времени давно уже покинули это когда-то благословенное место.



«Давид Якобсон, сын благословенной памяти Рабби Бенциона Якобсона, Рабби в Любавичах».

В июле 1941-го года крошечное местечко Любавичи оказалось на оси главного удара чудовищной железной армады германского вермахта – мощнейшей Группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Федора фон Бока, двигавшейся на Москву. Железными клещами танковых армий фашистских генералов Германа Гота и Гейнца Гудериана командование вермахта охватывало район Смоленска с севера и с юга. В этих железных клещах оказались Любавичи и другие еврейские местечки восточной Белоруссии – их судьба была предрешена. Поля неубранного льна и тихие проселки по берегам Березины и Западной Двины стонали от грохота и огня кореживших землю железных монстров. В страшном Витебском котле погибли или были взяты в плен сотни тысяч солдат и офицеров Красной Армии. 15 июля моторизованная дивизия танковой группы Гудериана ворвалась в Смоленск – местечко Любавичи осталось на оккупированной фашистами территории далеко позади уходившего на восток фронта. Вслед за боевыми частями германского вермахта на эту беззащитную землю шли

подразделения профессиональных нацистских убийц – зондеркоманды СС, а вместе с ними выползало на поверхность местное отребье, почуявшее острый дурманящий запах безнаказанного грабежа и кровавого насилия... Немцы пришли в Любавичи 21 июля 1941 года, они знали из инструкций эсэсовского руководства айнзацгруппы «В», что предоставленное в их полное распоряжение местечко Любавичи является священным местом для евреев, «святым городом Иеговы и раввинов»... Это предопределило особую глумливую жестокость уничтожения не успевших эвакуироваться евреев местечка. Для разминки комендант Любавичей сразу же расстрелял группу молодых евреев, а группу пожилых приказал избивать до смерти и подвергать изуверским пыткам. Жуткий финал кровавой драмы местечка Любавичи наступил 4 ноября 1941 года. В тот день комендант велел местным полицаям собрать всех евреев Любавичей вместе с детьми. Их выводили группами по несколько человек и волокли к месту казни в небольшом овраге на территории скотобойни. Евреев убивали выстрелами в голову, забивали до смерти ломами и палками. Маленьких детей закапывали живьём. В тот день было убито 483 еврея – Любавичи, как еврейское местечко, перестало существовать...

В наши дни в деревне Любавичи евреев нет. Это небольшое поселение с несколькими сотнями постоянных жителей не всегда обозначено даже на картах крупного масштаба, оно существует за счет туристов и религиозных паломников. О еврейском прошлом местечка напоминает Мемориал памяти убитых Любавичских евреев, возведенный здесь в 2011 году на пожертвования и с помощью Евангельских христиан России, а о его великой религиозной истории – восстановленные Дом-музей Шнеерсона и Двор Любавичских Реббе, да еще остатки надгробий над могилами Великих Любавичских цадиков.

Любавичи, ноябрь 2011, восстановленный Дом-музей Любавичского Ребе и дорога к Мемориалу убитых евреев местечка.

Как бы ни сложилась дальнейшая судьба этой небольшой смоленской деревни, имя ее – ЛЮБАВИЧИ – бессмертно, ибо в XX веке, вместе с волнами еврейской эмиграции из России, состоялся необыкновенный по своей мощи всемирный миссионерский поход Любавичских

хасидов, приведший к образованию крупных центров Хабада в Израиле, США и многих других странах. Праведный сгусток веры невероятной плотности, таившийся до поры до времени в окружении льняных полей и березовых рощ в небольшом белорусском местечке Любавичи, словно взорвался и, стремительно расширяясь, усеял карту мира созвездиями Хабада – в наше время существуют сотни общин Любавичских хасидов в десятках стран по всему миру.

Фотография родственников Давида Якобсона, 1930 год, на даче в деревне Чижовка Витебской области; жена Давида Лея Якобсон – четвертая слева во втором ряду сверху.

***

Мой личный интерес к истории жизни и облику знаменитого раввина Любавичей Давида Якобсона объясняется просто – он мой прадед по отцовской линии. В 1876 году у Давида родилась дочь Рися (Раиса) – моя бабушка. В 1898 году мой дедушка Исаак Окунев – сын шохета из Велижа, приехал на своей собственной лошади в Любавичи и взял в жены Раису Якобсон. В 1909 году у Исаака и Раисы родился мой отец Бенцион Окунев. Такова, вкратце, моя родословная по отцовской линии, уходящая корнями в знаменитое местечко Любавичи.

Когда в 1999 году, уже в Америке, я взялся писать историю нашей семьи, то знал о своем прадеде Давиде Якобсоне очень мало. По сути дела – мне и не от кого было о нем узнать. Моя бабушка Раиса умерла еще до моего рождения, а дедушка Исаак умер от голода в блокадном Ленинграде, когда мне было всего 3 года. Что касается моего отца, то он предпочитал не распространяться о своих предках – все они, и по линии Окуневых и по линии Якобсонов, относились к самой зловредной, с точки зрения коммунистической идеологии, категории лиц, именовавшихся «служителями религиозного культа». Своего отца – велижского шохета – моему папе удалось перелицевать из «работника культа» в «культработника», а вот с дедом – любавичским раввином – подобный трюк, как говорят, не вытанцовывался. К счастью, в советских анкетах вопрос «Чем занимались до 1917 года?» распространялся не дальше

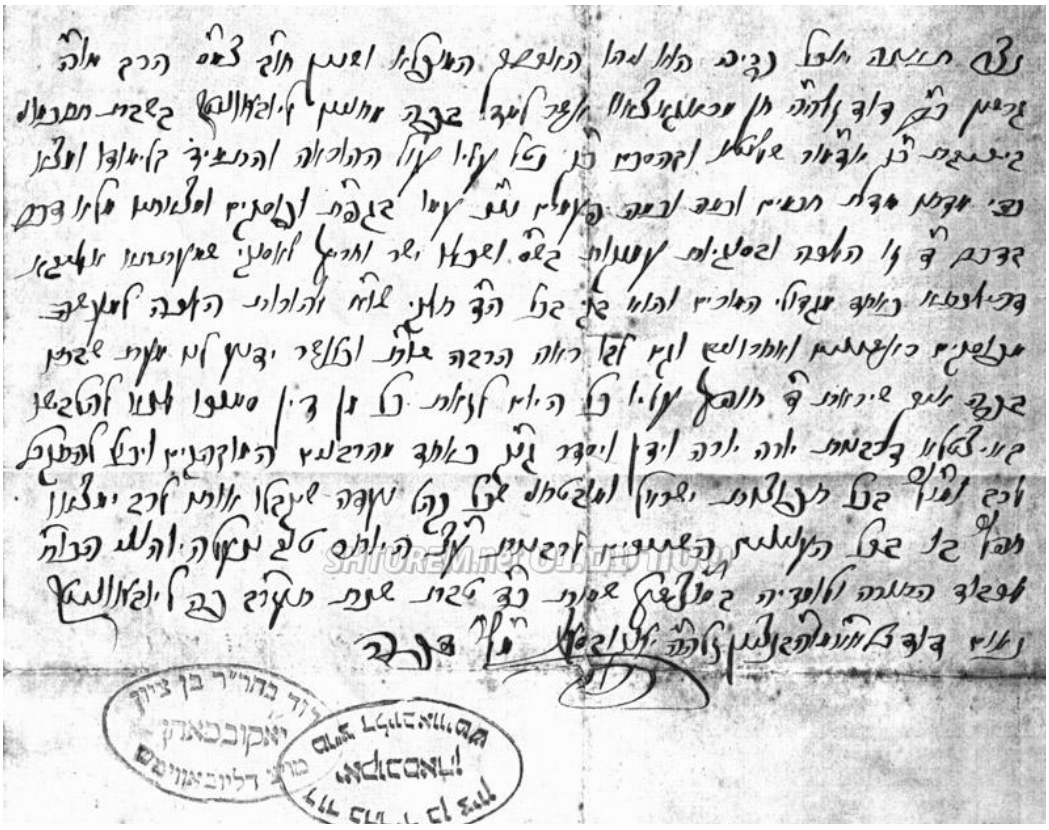
родителей, но многие советские люди предпочитали помалкивать о своих дедушках и бабушках, ибо не у всех они имели «безупречное» пролетарское происхождение. О своем знаменитом прадеде я впервые узнал не от родителей, а от своей тетки, которая по моей просьбе составила схему нашего семейного древа и у квадратика с именем Давид Якобсон скромно написала – «был раввином в Любавичах». Собственно говоря, этой сверхкраткой фразой исчерпывались мои сведения о прадеде. Жгучий, нарастающий интерес к предкам заставил меня искать всевозможные обходные пути добычи информации о прошлом, ибо все родственники старшего поколения ушли к этому времени в мир иной.

Сохранившиеся фото детей Давида Якобсона: Залман, Раиса, Рива, Зелда, Тайба

Первым делом вспомнилось, что в Ленинграде я был хорошо знаком с мужем моей двоюродной сестры Ароном Лазаревичем Якобсоном, который по всем родственным раскладкам был не кем иным, как внуком раввина Давида Якобсона по линии своего отца – Лазаря Якобсона. Арон, которого все мы звали Ариком, никогда не рассказывал о своем дедушке. Это вполне объяснимо – Арик был советским офицером, коммунистом, выпускником с отличием Ленинградского высшего инженерного военно-морского училища имени Ф.Э. Дзержинского, разрабатывал советские подводные лодки на сверхсекретных полувоенных предприятиях – как говорится, только дедушки-раввина ему и не хватало! Тем не менее я понимал, что после смерти Арона у его родственников могли сохраниться какие-то документы, письма, а, может быть, если повезет, и фотография Давида Якобсона. Поэтому я немедленно попытался найти его родственников. Этот поиск растянулся на несколько лет, он сам по себе мог бы составить сюжет увлекательной детективной повести с удивительными страстями и характерами, но я опускаю здесь все подробности, ибо поиск этот оказался в итоге абсолютно бесплодным. Вкратце, дело обстояло следующим образом. Сначала я нашел вторую жену Арона Якобсона в Германии. Она оказалась, естественно, немолодой, да к тому же очень больной женщиной, но говорила со мной доброжелательно, рассказывала все больше о последних годах жизни Арона, обещала порыться в оставшихся после него фотографиях и письмах, но, в итоге, ничем не помогла, и связь с нею вскоре прервалась... Потом я нашел в США, в городе Атланта штата Джорджия, сына и внука Арона Якобсона (история этого поиска – отдельная полудетективная история). Они очень сдержанно, без энтузиазма, мягко говоря, отнеслись к моим поискам – похоже, ничего не знали о своем великом предке из Любавичей и не очень-то интересовались этим. Тем не менее, внук Арона, сменивший фамилию Якобсон на фамилию своей матери, обещал найти «на антресолях старый чемодан, в котором, возможно, есть что-либо интересное», обещал перезвонить мне, но то ли ничего не нашел, то ли решил в этом деле не участвовать – не знаю, но эта линия тоже оборвалась... Пытался я найти людей, знавших Лазаря Якобсона – отца Арона; он, по рассказам, работал преподавателем математики в Баку, но все мои знакомые бакинцы ничего о нем не знали...

Вторая моя попытка узнать что либо о Давиде Якобсоне была более успешной. Где-то в середине 2010-х годов, в синагоге нью-йоркского района Квинс познакомился я с обаятельным молодым раввином Эли Блохом из местной общины Хабада. Я подарил Эли только что вышедшую тогда книгу «Ось всемирной истории», мы встречались с ним несколько раз и как-то я упомянул, что ищу сведения о своем родственнике Давиде Якобсоне, служившим раввином в Любавичах... К моему удивлению это имя было знакомо Эли Блоху, он утверждал, что о Давиде Якобсоне есть сведения в хасидских летописях и обещал мне отыскать их. Вскоре Эли связал меня с раввином Аароном Лейбом Раскиным из Бруклина, который прислал краткие сведения о Давиде Якобсоне и об истории его назначения раввином Любавичей. Кроме того, Аарон прислал мне копию подлинного письма Давида с его личной печатью и перевод этого письма на английский язык. У нас с Аароном завязалась переписка, он проявлял живой интерес к моим поискам и в одном из писем спрашивал, нет ли у меня фотографии Давида Якобсона – увы, у меня ее не было.

Шли годы, мне удалось отыскать пропавшие ветви нашего семейного древа, удалось отыскать единственный портрет основателя рода Окуневых – велижского шохета Мовше Окунева, но портрет Давида Якобсона отыскать не удавалось и казалось – уже не удастся отыскать никогда.



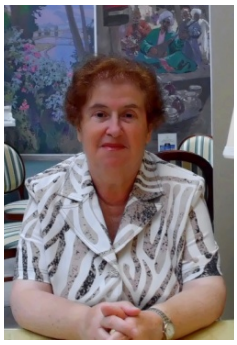
Письмо Давида Якобсона с его личной печатью, написанное в 1911 году в Любавичах и рекомендующее некоего Гершона Чейна в раввины (предоставлено Аароном Раскиным).

***

Все решил, как это часто бывает, случай, но случай – я верю в это – на самом деле предопределяется самим Провидением. Господь не играет с нами в кости, Он просто

подбрасывает выигрышную карту лишь тому, кто много работает, упорно стремясь к цели несмотря на все неудачи и препятствия.

В декабре 2012 года в 147-м номере сетевого журнала «Заметки по еврейской истории» (редактор – Евгений Беркович) была опубликована моя статья «Чудо в трагической оболочке»[1], посвященная 70-летию трагических событий Холокоста в местечке Любавичи. В январе 2013 года среди многих комментариев к статье появилась короткая реплика Зинаиды Майзелис из Санкт-Петербурга: «Большое спасибо за публикацию. Если это возможно хотелось бы связаться с Юрием Окуневым. У нас с ним один прадед – Давид Якобсон – любавический раввин». (Как потом мне рассказывала Зинаида, ей посоветовал прочитать мою статью раввин Нисон Руппо из Костромы.) Я узнал об этом запросе незнакомой мне женщины от Евгения Берковича и сразу же трепетно ощутил приближение удачи. В силе печатного слова я убеждался неоднократно, ведь недаром сказано – «Сначала было слово». Вскоре я разыскал телефон Зинаиды Майзелис и немедленно позвонил ей – это был взволнованный разговор нашедших друг друга родственников, объединенных, к тому же, общим интересом к истории своих предков. Самые радужные предчувствия подтвердились – чрез час в моем компьютере был присланный Зинаидой фотопортрет Давида Якобсона, который я искал более 10 лет. Фото было очень скверного качества, но что это могло значить по сравнению с главным – оно было найдено. Любопытно, что в тот же день это же фото прислал мне из Бруклина Аарон Лейб Раскин, получивший его от Нисона Руппо из хасидской общины российского города Кострома, который, в свою очередь, получил фото от Зинаиды Майзелис.

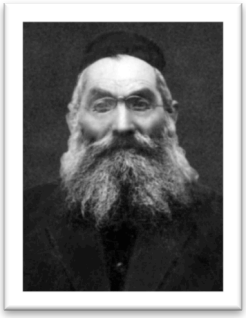


Зинаида Майзелис –
первооткрыватель портрета Давида Якобсона, Рабби в Любавичах.

Так счастливо закончилась эта история – теперь у нас есть фотопортрет знаменитого раввина Любавичей Давида Якобсона. Я привожу его в этой статье в откорректированном виде – это помог сделать Борис Якобсон, пра-правнук Давида, живущий в Иерусалиме!

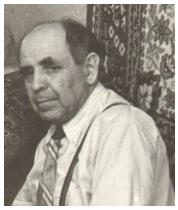
[1] Ю. Окунев, «Чудо в трагической оболочке», http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer12/Okunev1.php

Мужская ветвь наследников Рабби Давида Якобсона



ДАВИД ЯКОБСОН, раввин
(1852–192...)
Любавичи, Смоленская область, Россия

ЗАЛМАН ЯКОБСОН, коммерсант
(1872, Любавичи – 1941, Ленинград)



АБРАМ ЯКОБСОН, бухгалтер
(1904–1989)
Витебск, Белоруссия

ЯКОВ ЯКОБСОН, инженер
(р. 1935)
Витебск, Белоруссия

БОРИС ЯКОБСОН, инженер
(р. 1965, Витебск)
Иерусалим, Израиль

АРИЭЛЬ ЯКОБСОН (р. 1995)
Иерусалим, Израиль

ГАЙ-БЕНЬЯМИН ЯКОБСОН (р. 2001)
Иерусалим, Израиль

***

Вот, собственно говоря, и вся история. С моей троюродной сестрой Зинаидой Майзелис мы теперь постоянно общаемся по телефону и скайпу. Она располагает огромным семейным архивом наследников раввина Давида Якобсона и сейчас, по моей просьбе, составляет его описание с включением большого числа фотографий. С ее помощью я связался с правнуками, пра-правнуками и пра-пра-правнуками раввина в Санкт-Петербурге, Витебске и Иерусалиме. Надеюсь, что при их содействии мы с Зинаидой напишем и опубликуем обстоятельное исследование семейного древа Давида Якобсона.

Сейчас фотопортрет Давида Якобсона пошел гулять по Интернету, я уже получил несколько копий его первоначальной версии из разных стран. Это не случайно – общий интерес к истории предков возрастает повсеместно, особенно среди евреев, во многих поколениях отлученных по ряду причин от своего великого прошлого, а интерес к значительным историческим фигурам семейных историй возрастает вдвойне. Этот интерес традиционно высок среди людей верующих, он достигает благоговейного восторга в отношении праведников веры в хасидских общинах по всему миру.

В генеалогических исследованиях меня всегда интересует вопрос: «Сохранилась ли у кого-нибудь из нынешнего поколения молодых людей семейная фамилия далекого основателя рода?» или, другими словами, «Существует ли дошедшая до наших дней прямая цепочка наследников основателя рода по мужской линии с неизменной фамилией?». К сожалению, вынужден констатировать, что во многих известных мне случаях, на эти вопросы приходится отвечать отрицательно. Это вызвано историческим обстоятельствами, в которых приходилось жить многим семьям в XX веке – мужчины погибали во время войн и репрессий, не оставляя потомства, и семейный клан сохранялся, в основном, благодаря выжившим женщинам, у детей которых естественным образом менялись фамилии. У евреев были дополнительные обстоятельства, затруднявшие сохранение мужской ветви семьи – антисемитизм и принудительная ассимиляция склоняли к изменению исконных родовых фамилий.

Исследование мужских ветвей наследников раввина Давида Якобсона, проделанное на основе материалов семейного архива Зинаиды Майзелис, показало, что в настоящее время существует только одна ветвь его наследников по мужской линии, сохранившая фамилию Якобсон. Вот эта ветвь: Давид – Залман – Абрам – Яков – Борис – Ариэль и Гай-Беньямин. Мне эта ветвь представляется высоко символической, ибо она отражает неумолимое историческое движение основного ствола еврейского народа: пра-пра-правнуки Рабби Давида Якобсона, служившего раввином в местечке Любавичи, родине Хабада, живут отныне в Иерусалиме!

Мог ли мечтать о большем «Давид Якобсон, сын благословенной памяти Рабби Бенциона Якобсона, Рабби в Любавичах»?

Светлая ему память!

Юрий Окунев
Март 2013